



ВНЕ СЕБЯ





Я — обезумевший в саду предвечных числ.

Э. Верхафт

Конец света заключён в нас самих.

Ч. Айтматов

Довольно сказать, что в ту пору во внутренних областях Венгрии тайно, но упорно верили в переселение душ.

Э. По. Метценгерштейн

Этот мир, — он на ваши похож,
Но один только я в него вхож.

М. Немченко. «Закатное»

Глава 1

ОДИННАДЦАТЫЙ

Я — обезумевший...

Добиться до космодрома в Плесецке оказалось легче, чем выбрать с его территории.

Ничего не предвещало беды, когда Прохор появился на космодроме в составе комплексной исследовательской группы Министерства обороны и Академии наук, однако стоило ему встретить взгляд бригадира пусконаладочной бригады первого пускового центра (из шести существующих) для испытаний ракетно-космических аппаратов лёгкого класса, куда прибыла группа, как он сразу понял, что его н а ш л и.

— Рад вас видеть, — сказал бригадир по фамилии Шепотинник, обращаясь почему-то лично к Прохору, — мы уже заждались.

Члены группы, состоящей из титулованных инженеров и учёных, приняли его приветствие как стандартную формулу знакомства, но Прохор уловил в словах Шепотинника некий ёрнический подтекст и начал соображать, что делать в этой ситуации. Ждать его могли разве что Охотники, вычислившие траекторию передвижения формонавта, а встреча с ними не сулила ничего хорошего.

На самом деле он не знал, кем они себя именовали: название Охотники Прохор придумал сам в соответствии со своими впечатлениями и умозаключениями. Главное, что они охотились за ним, зная его способности переходить из мира одной формы в мир другой. Остальное не имело значения.

В двенадцать поехали смотреть на ракету, покрытую новейшим материалом рустелсом, делавшим её почти невидимой для радаров вероятного противника.

Основные характеристики рустелса рассчитывал Прохор, что и делало его героем дня: плёнка-«невидимка» действительно поглощала и преобразовывала отражённый сигнал радара таким образом, что объект исчезал из поля зрения зенитно-ракетных систем.

До разработки рустелса Прохор рассчитывал не менее экзотические вещи, необходимые промышленности и социуму, в том числе суперлипучки-геккоиды, сверхтвёрдую и вязкую одновременно броню, сверхскользящий «абсолютный лёд», феррофлюиды, и везде находил новые революционные решения. Поэтому люди, понимающие толк в таких вещах, проявляли к нему интерес и уважение.

И пригласили его на космодром больше из этого уважения, чем из необходимости: математикам у рассчитанных ими ракет делать было нечего.

Обошли пусковой стол номер один.

Прохор то и дело ловил на себе взгляды бригадира наладчиков и всё никак не мог найти вариант действия, позволявшего ему избежать прямого контакта с Охотником, вселившимся в личность Шепотинника. Решение пришло неожиданно, когда один из членов группы, технолог Центра Почиковский, пожаловался на резь в животе.

— Съел, наверно, что-то, — признался он виновато, кривя гладкое, без единой морщинки лицо, — в самолёте.

— И меня мутит, — подхватил Прохор, прижимая руку к животу. — Неужели траванулись самолётной кухней? Вы что ели?

— Рыбу..

— И я тоже!

— Чёрт, не вовремя, — поморщился завлаб из «Осколково», профессор Чудинов, он же — непосредственный начальник Прохора. — Нам через час предстоит беседа с конструкторами ракеты.

Прохор постарался сделать лицо мученика.

— Болит, зараза!

— Не хватало приступа на ПУ, — проворчал главный энергетик группы. — А если они получают какой-нибудь заворот кишок? Аптечка не поможет.

— Ладно, сейчас вызову местных эскулапов, — вздохнул Чудинов.

Почиковского и Прохора оставили в гостинице Плесецка на попечение штатного врача комплекса, и группа снова отправилась на космодром.

Больных препроводили в амбулаторную комнату гостиницы.

Поскольку Почиковский не симулировал недомогание, врач по подсказке Прохора занялся сначала им. Сам же Прохор сделал вид, что изучает схему космодрома, выданную ноутом нового поколения, с объёмным экраном и виртуальной клавиатурой.

Разумеется, историю Плесецка он знал, так как специально готовился к поездке. Ему и в самом деле было интересно взглянуть на третий по величине и пропускной способности российский космопорт, после Бай-

конура и «Восточного», запустившего первые корабли ещё в две тысячи шестнадцатом году. Но Плесецк отличался от них тем, что запускал в космос, во-первых, лёгкие ракеты со спутниками разных модификаций, а во-вторых, имел специальные пусковые установки для экспериментальных аппаратов, в том числе военного назначения.

С него стартовали и многократно проверенные «Рокоты», и «Циклоны», и «Союзы», и недавно проявившие себя модули многоразового использования под названием «Гиперборей». В 2030 году Россия продолжала лидировать по количеству космических запусков и самостоятельно создала марсианский корабль «Русь-Арес», совершивший полёт в 2025 году.

В настоящий момент – Прохору выдали полный пакет информации по запускам – «Русь-Арес» готовился к очередному полёту к Марсу, но стартовать он должен был с космодрома «Восточный», расположенного в Амурской губернии.

Плесецкий же космодром перешёл на автоматы.

Ракета «Север» класса «лунник» должна была взлететь уже на следующий день, двадцать второго мая, аккуратно в день святого Никола Угодника.

– Похоже на отравление некачественным продуктом, – сказал врач, осмотрев технолога в присутствии Прохора. – Можем сделать промывание желудка.

– Не надо! – испугался вихрастый Почиковский, зелёный больше от переживаний, чем от недомогания. – Таблетками обойдусь.

– Самое простое при отравлении – заглотать пол-литра слабого раствора марганцовки и вырвать. Потом сделать капельницу и деинтоксикационную блокаду.

– Таблетки есть какие-нибудь?

– Я бы посоветовал фуразолидон, что-нибудь ферментоидное, например фестал, но опять же лучше сначала сдать анализы. Надо ехать в стационар.

– Некогда мне сдавать анализы, давайте марганцовку. И фестал.

Врач с сомнением посмотрел на технолога, но перечить не стал. Сделал розовенький раствор марганцовокислого калия, дал больному.

– В туалет. – Обернулся к Прохору: – Теперь займёмся вами.

Прохор закрыл ноут, начал было жаловаться на тошноту, однако врач оказался опытным специалистом и занялся своим делом, не обращая внимания на жалобы пациента.

Прохор понял, что его сейчас разоблачат, усилием воли поднял давление с нормальных 120/80 до 200/40.

Врач посчитал пульс, померил давление, озабоченно сдвинул брови.

– Батенька мой, вам надо немедленно на обследование. Это не отравление.

– А что? – робко спросил Прохор.

– Сердце шалит. Инфаркты были?

– Не было.

– В первый раз такое давление?

– Ну, иногда случалось, адельфан пил...

— Спортом занимаетесь?

— В футбол поигрываю.

— Странно, выглядите вполне здоровым, а сердце ни к чёрту. Я сделаю вам укол бикардина и папаверина с платифиллином. Давление мы снимем, но вам всё равно придётся идти к врачу.

— Понял, пойду, конечно.

Из туалета донеслись характерные звуки, затем ругань: Почиковского вырвало.

Врач налил ещё один стакан раствора марганцовки, отнёс в туалет, вернулся, сделал укол Прохору в предплечье.

— Вот мой телефон, звоните, если что.

По руке разлилось тепло.

Пытась мысленно-волевым усилием нейтрализовать действие введённого препарата, Прохор направился к выходу из амбулаторного кабинета, но вернулся.

— Справку дадите?

— Какую справку? — не понял врач.

— Начальство у меня строгое, нужно будет объясняться.

— А-а... напишу диагноз, если хотите.

Врач достал бланк, сделал запись, подал Прохору.

— Этого хватит?

— Спасибо, я надеюсь.

Из туалетной комнаты вывалился бледный Почиковский, вытирая рот салфеткой.

— Какая гадость эта ваша заливная рыба! Как дела, коллега?

— Сердце, — уныло развёл руками Прохор. — Придётся полежать.

Взгляд специалиста из Центра ему не понравился.

Буквально минуту назад этот человек казался совершенно больным, неспособным работать и думать о чём-либо кроме боли в животе, но вышел слишком энергично, глаза его заблестели, и означало это одно: в него вселили Охотника!

Прохора обложили! А помочь ему мог только он сам, потому что друг Дан Саблин, спец по выживанию и тренер Прохора, находился в данный момент в Суздале.

«Бежать! — мелькнула торопливая мысль. — Как можно дальше отсюда! Пока есть возможность списать всё на сердечный приступ».

В номере он побросал в сумку бритву, принадлежности для чистки зубов, уложил рубашки и треники, хотел закрыть сумку и вовремя остановился, обострившимся слухом уловив приближающиеся к номеру шаги. Раскрыл сумку, прислушиваясь.

В дверь постучали.

Он вывалил из сумки вещи, взялся за живот, открыл дверь.

На него смотрел Почиковский, кривя губы.

— Как вы?

— Плохо, — прохрипел Прохор, — разложу вещи и лягу. Скорее всего, придётся ложиться в больницу.

Почиковский бросил взгляд на кровать в номере, по которой были разбросаны вещи Смирнова, кивнул.

— Буду у себя, стучите в стену, если станет хуже.

Дверь закрылась.

Прохор прислушался к звукам в коридоре, быстро собрал сумку, бесшумно открыл дверь и, не закрывая, чтобы не щёлкнул замок, проследовал по ковровой дорожке к лестничному пролёту. Почиковский убедился, что он серьёзно болен, и какое-то время будет уверен, что сосед находится в гостинице. Этим надо было воспользоваться.

— Мне бы на вокзал, — робко сказал Прохор администратору, протягивая ключ от номера.

Вот тут он и узнал, что выехать с территории Мирного, центра Плесецкого космодрома, очень непросто, несмотря на то что город перестал подчиняться военным. Лишь после того как он показал выписку врача и сослался на больное сердце, ему удалось уговорить гостиничное начальство дать машину, чтобы доехать до железнодорожного вокзала.

Оттуда он позвонил Чудинову:

— Марк Сергеевич, у меня сердце прихватило, врач сделал укол и велел немедленно ложиться в больницу на обследование.

— Этого нам не хватало, — расстроился заведующий лабораторией метаматериалов. — Завтра пуск.

— Врач требует...

— Да понял я, чего могу сказать.

— Справитесь без меня, я всего лишь математик.

— Ты без пяти минут мой зам. Ну, лежи, через пару часов вернусь и наведу.

Прохор хотел сказать, что возвращается в Суздаль, но прикусил язык.

Бригадир Шепотинник наверняка спросит у профессора, где его сотрудник, и когда тот ответит, что Смирнов лежит с сердечным приступом, тревогу поднимать не станет. У беглеца был небольшой люфт во времени, чтобы оторваться от преследователей, и надо было этот люфт использовать с умом.

Но в поезде Прохор не поехал, заметив в зале двух молодых полицейских, присматривавшихся к пассажирам.

Было ясно, что Охотники постепенно затягивают петлю на его шее, и единственным способом избавиться от них было немедленное бегство из города. Оставалась надежда, что носители программ Охотников не имеют свободы передвижения как обычные люди, которые жили по своим законам и решали свои задачи, поэтому Охотники вынуждены будут искать новых носителей из числа людей, знающих Прохора Смирнова.

На автостанции ему повезло: один из водителей маршрутного такси, собиравшийся сдавать смену, согласился подвезти мужчину в летнем джин-

совом костюме до ближайшего посёлка на трассе Мирный — Архангельск, и через час Прохор вышел из маршрутки на остановке с указателем «Дворики».

Маршрутка уехала.

Прохор позвонил Саблину, объяснил ситуацию.

— Я тебя заберу к вечеру, — пообещал Данимир. — Сможешь там где-нибудь перекантоваться?

Прохор оглядел домики посёлка Дворики, но выбрать было не из чего, и он ответил как можно уверенней:

— Попробую.

— Созвонимся. — Голос Саблина пропал.

Как он собирался добираться до Плесецка из Суздаля, было непонятно, однако если друг обещал, то всегда выполнял обещанное.

Прохор вздохнул и двинулся искать приют до вечера.

Вопреки сомнениям его впустили в первый же дом, стоящий на краю посёлка, на опушке леса, в дверь которого он постучал.

Владельцами оказались милые старики, возившиеся на приусадебном участке, на котором умещались огород и небольшой сад.

Спрашивать у гостя, кто он такой и почему решил навестить Дворики, они не стали.

— А заходи и располагайся, мил-человек, — густым басом сказал крижистый, седой, с простым русским лицом хозяин дома; звали его Никитой Ивановичем. — Мы-то уже поели, но стол накроем.

— Мне бы чайку, — стеснённо сказал Прохор. — А если позволите, я побуду у вас до вечера.

— Да хоть и до утра, — пожал вислыми плечами Никита Иванович, проводя нежданного гостя в дом, возраст которого явно перевалил за сто лет.

Прохору показали двор, провели в комнатку с настоящим деревянным топчаном: «Можешь прилечь, мил-человек», напоили чаем с ежевичным вареньем и вернулись к своим делам. А он, послонявшись по дому, вдруг решил поискать пристанище и в мирах с другими Ф-превалитетами, как он называл слои Вселенской «матрёшки». В некоторых из них он уже давно стал «своим».

Впрочем, потому за ним и двинулись Охотники, выполняя приказ своих властителей нейтрализовать человека, осознавшего суть Числа и Формы как предпосылку Бытия, интуитивно разработавшего универсальный алгоритм перехода число — форма и ставшего формонавтом — путешественником по «оболочкам матрёшки», проникающим друг в друга.

Его предупредили, когда он впервые вышел за пределы своего Ф-одиннадцатого мира и испытал шок, узнав, что Вселенная устроена гораздо сложнее, чем он думал, и подчиняется базовым числам и геометрическим формам. Но Прохор тогда не понял, что он — угроза существованию «Ада» — Мира Бездн, по большей части иллюзорного и даже виртуального, а когда понял, было уже поздно: за ним началась охота.

Убедившись, что хозяева копаются в огороде, он поудобней улёгся на топчане, сняв туфли, и принялся созерцать эргион, помогающий сосредоточиваться на п е р е х о д е.

Эргион – объёмный информационно-энергетический модуль размером с кулак, представлял собой «гроздь» многогранников один внутри другого: одиннадцатигранник внутри гептаэдра, тот внутри куба, куб внутри декаэдра, и так далее. Но просто красивой геометрической безделицей он не был, на самом деле гармонизируя все виды полевых структур вокруг себя, а также магнитных и торсионных полей с биополем человека, и позволяя почти без усилий погружаться в транс и выходить за пределы трёхмерия в организованные другими базовыми числоформами пространства.

Перед глазами соткалось из света лицо Юстины, нежное и в то же время решительное: губы девушки улыбались, глаза смотрели прямо, дерзко и уверенно.

Проход зажмурился, произнося её имя.

По сути, именно из-за неё он и стал формонавтом, решив найти тот Ф-мир, где бы девушка любила его, ну, или хотя бы того, кто в той реальности был носителем личности Прохора Смирнова. Однако до сих пор подобное сочетание обстоятельств ему не встретилось, а ведь он опускался и до глубинных Ф-превалитетов, где законы физики подчинялись четырёх-, пяти- и шестизначным числам.

– Юстя...

Эргион под рукой «мурлыкнул» и стал горячим.

Сознание вылетело из тела, устремилось в иные дали...

Гости из бездн

Плесецкий космодром располагался на холмистой равнине, поросшей перелесками и кустарником. Пусковые установки для старта ракет органически вписывались в этот пейзаж и не портили его, несмотря на всю феерическую технологичность гигантских сооружений. Мало того, в ясный солнечный день они становились яркими, светоносными, ажурно-космическими, и немало гостей космодрома невольно задерживали дыхание, рассматривая стоящие то тут, то там фермы и серебристые стрелы ракет, чтобы потом восхищённо цокнуть языком: феноменально!

Однако бригадиру пусконаладочной бригады первого стартового комплекса Шепотиннику было не до созерцания местных пейзажей. Встретив у капонира управления группу учёных из «Осколково», причастных к запуску военного модуля «Сюрприз», он отвёл в сторону руководителя группы профессора Чудинова:

– Вас должно быть семеро, а я вижу пятерых.

– Почиковский и Смирнов отравились чем-то, – развёл руками бородастый благообразный Чудинов. – Остались в гостинице, им вызвали врача.

– Вы с ума сошли?! – Шепотинник, сухой, жилистый, носатый, потерял дар речи. – Кто вам позволил оставить Смирнова одного?!

— Он отравился... позвонил недавно... сердце прихватило.

— Какое сердце?! По моим данным, он здоров как бык! Зря мы, что ли, напрягались, чтобы его сюда вызывать? На кой ляд нужен математик на старте?! Чтобы полюбоваться запуском?!

— Ну, я подумал, мы всегда его сможем... — забормотал Чудинов, бледнея.

— Он догадался, парень не дурак! Ладно, идите к своим. — Шепотинник отошёл, взялся за мобильный айфон. — Леопольд Леонидович, где Смирнов?

— У себя в номере, — ответил тенорок Почиковского. Я к нему заходил, собирается ложиться в больницу. Врач чуть ли не инфаркт у него обнаружил.

— Какой инфаркт! Он провёл вас с профессором, как сопливых пацанов! Следи за ним, я скоро подъеду. Вздумает выйти из номера — звони!

Группа спустилась в бункер.

Запуск нового ракетного модуля «Сюрприз» был важен не только для лабораторий Центра «Осколково», но и для других ведомств, разработавших для него компьютерное обеспечение и ряд приборов, поэтому от удачного запуска ракеты ждали многого.

В бункере собрались два десятка человек. Трём-четырёх из них удалось пристроиться за пультами управления перед объёмными дисплеями, остальные сгрудились за двумя линиями аппаратных стоек и, беседуя, поглядывали на большой трёхметровый экран, казавшийся огромным окном в стене помещения, открытым в сторону стартовой позиции.

Шепотинник подозвал помощника:

— Сергеич, после тестового контроля заведи бодягу часа на полтора, расскажи пару историй.

— А ты? — задал вопрос флегматичный помощник.

— Меня вызвали секретчики, что-то их беспокоит.

— Хорошо, сделаем.

Бригадир, одетый в спецкомбинезон, как и остальные работники космодрома, вылез из бункера, снова взялся за телефон.

— Что у тебя?

— Всё тихо, — ответил Почиковский. — Поторопись, а то худо мне, носитель, этот бездарь-технолог, и в самом деле мается животом, сию в туалете.

— Скоро буду.

Шепотинник вызвал электрокар, добрался до пропускного пункта и пересел в новенькую «Мазду», которая домчала его до центра Мирного за полчаса.

У гостиницы его встретил суетливый, прячущий глаза Почиковский.

— Он исчез!

Шепотинник раздул ноздри выдающегося носа.

— Что за шутки? Как это исчез?! Ты же говорил, что он слёг с сердечным приступом.

В ставших чёрными и блестящими глазах технолога всплыли злобные огоньки.

— Надо было подыскать мне другого носителя, тогда я бы его не упустил.

— Офигеешь с вами! — Бригадир оскалился. — Подробности!

— Идиот-администратор сжалился, не стал запрашивать службу безопасности, дал ему машину.

— Куда?

— Уверяет, что постоялец направился на жд-вокзал.

Шепотинник поднёс мобильный к уху:

— Тимошенко, на вокзал! Ищи Смирнова!

Почиковский, нервно теребивший край воротника рубахи, схватился за живот.

— Проклятье! Мне надо в туалет.

— Потерпишь.

— Не могу, мне потом так и ходить обосранным?

— Беги, — брезгливо махнул рукой Шепотинник.

В настоящий момент обоими владели Охотники, внедрившиеся в сознание людей и управлявшие их действиями, но при этом тела носителей оставались человеческими и подчинялись всему психофизическому и физиологическому наследию людей.

Шепотинник зашёл в гостиницу, поговорил с администратором, связался с третьим членом группы преследователей, вселившимся в начальника УВД Плесеца.

— Как успехи, полковник?

— Пока ноль, — ответил Тимошенко. — На вокзале его нет.

— Уехал?

— За это время прошёл только один поезд на Архангельск, в него он не сел, это точно.

— Объявите госрозыск.

— Делается всё, что надо.

— Обыщите автовокзал, аэропорт, выездные дороги.

— Сам знаю.

Шепотинник пожевал губами, раздумывая, какое распоряжение дать ещё, но не придумал и выключил айфон.

В холл гостиницы спустился Почиковский, кусая губы.

— Зря меня втиснули в это тело, лучше бы в собаку... или в женщину.

— Почему в женщину? — не понял Шепотинник.

— Они более выносливы.

— Глубокое замечание.

— Но это верное суждение, существует даже общественное мнение на этот счёт.

— Общественное мнение ещё не статистика. Хотя я доложу Глыбе.

— Что будем делать?

— Ждать. Здесь есть кафе, пошли посидим, попьём кофейку, у нас такого нет.

Они направились в кафе гостиницы.

Однако ни через полчаса, ни через час от главы полиции города ничего существенного не поступило.